

СТИХИ В. В. МАЯКОВСКОГО В ВОССОЗДАНИИ КОНДРАТОМ КРАПИВОЙ СРЕДСТВАМИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Крупница В. В.

Белорусский государственный университет

В. В. Маяковский – выдающийся поэт, публицист и драматург XX столетия. В Беларуси он широко известен по своим публикациям, выступлениям, драматургическим произведениям, оказывал и до сих пор оказывает большое влияние на белорусскую литературу [2].

Особой частью художественной литературы Беларуси стали переводы Маяковского на белорусский язык, что является очень интересной сферой для их изучения из-за своеобразия поэтического языка Маяковского. Анализ особенностей и трудностей перевода произведений поэта на белорусский язык может стать опорой при изучении русско-белорусских литературных связей и влияний, связей Маяковского с Беларусью, русско-белорусских переводов.

Первые переводы Владимира Маяковского начали появляться в белорусской печати с 1930 года. В разные годы стихотворения Маяковского переводили М. Лыньков, П. Глебка, В. Шаховец, Максим Танк, Э. Огнецвет, А. Велюгин, А. Зарицкий, А. Кулешов и другие, в том числе Кондрат Крапива [5].

Кондрат Крапива перевел 3 стихотворения Маяковского: «Мы не верим!», «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

Если рассматривать лексическую и образную структуру переводов, можно найти заметные различия. Например, рядом с

близкой к оригинальной лексической подачей можно встретить и новые образы. В стихотворении «Мы не верим!» Маяковского мы видим, что метафорически ленинский язык называется «языком грозы» [1, с. 184]. Кондрат Крапива же в переводе называет ту самую грозу раскатом перуна [3, с. 50-51], образ которого будет доступен любому читателю, знакомому со славянской языческой мифологией.

В переводе строки стихотворения «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» «Здесь дом дадут хороший нам» [1, с. 610] Кондрат Крапива, возможно, ориентировался на национальные ценности славян, белорусов – в частности. Для белорусского народа испокон веков хороший дом – это гостеприимный дом. Поэтому перевод звучит так: «Тут дом дадуць гасцінны нам» [3, с. 170-171]. Также Кондрат Крапива вполне удачно перефразирует образы с сохранением смысла в стихотворении «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»: «Дармоед! занежен в облака ты...» [1, с. 121] – «Дармаед! Пястун аблочнай ваты!» [3, с. 34].

Однако есть строфы, где Кондрат Крапива не сохраняет первоначальные образы. В окончании стихотворения «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» образом «гвоздей» [1, с. 123] Маяковский подчеркивал необходимость грамотной дифференциации трудовой деятельности поэта и труженика, а также важность труда каждого. У переводчика данного образа уже нет [3, с. 36].

При рассмотрении окказионализмов можно заметить, что Кондрат Крапива в большинстве своем использует для перевода узувальную лексику: истемня – зацьмяніўшы; взорим, светаю – зазьяем (ю); вспоем – запяём и т.д. Только в некоторых случаях переводчик

создает эквивалентные окказионализмы на белорусском языке: миллионосильной – мільёнасільнай; горбил – гарбіў; сонница – сонніца; сливеют – слівеюць. Также можно отметить, что иногда встречается лексическое и семантическое несоответствие: грохотать – грымець; сдержишь – спыніш; велишь – скажаш. При переводе отдельных лексических элементов, окказионализмов в том числе, белорусский поэт использует прием лексической замены: в упор – у твар; златолобо – гультай залаталобы; светишь в оба – свеціш на ўсе зрэнкі; а низ горы – а ніз прыгорка. При этом заменяются и меняются местами не только отдельные слова или словосочетания, но и самостоятельные части сложных предложений.

Если рассматривать синтаксис предложений, то можно сказать, что переводчик часто меняет порядок слов. При этом может происходить перенос логического ударения: *ты звал* меня – *мяне ты клікаў*; *клокотать у рэволюци* в груди – *у рэвалюцыі ў грудзях* *клакатаць*. Или логическое ударение может совпадать с

оригинальным: *на даче* было это – было *на дачы* гэта; сидят *в грязи* рабочие – *ў грязи* сядзяць рабочыя. В некоторых частях текста происходит смена субъекта действия: набатный ленинский *язык* – ленинскага слова шматтомны *набат*; *солнце* вставало залить мир – *свет* заліты зноў.

Кондрат Крапива активно использует добавления (например, сравнительный оборот или однородные сказуемые), которые усиливают семантику текстов Маяковского: была жара, жара плыла – гарачыня, *як вар*, плыла; вечно будет грохотать – вечна будзе грымець, *як навальніца*. Также характерно использование при добавлении междометий и частиц, которые также имеют усиливающий эффект: Что я наделал! Я погиб! – *Ах*, я *ж* загінуў; Поди, попробуй! – *Ну* дзе *ж*! Паспробуй, даражэнькі.

Часто в синтаксисе предложений происходит изменение их структуры. Например, в предложениях, осложненных деепричастным оборотом, последний при переводе оформляется как самостоятельная часть сложного предложения и многое др. Но несмотря на синтаксические различия между текстами оригинала и перевода, есть строфы, которые полностью совпадают по структуре.

Если говорить о рифмовке, то она передана достаточно точно. Клаузулы Кондратом Крапивою используются такие же, как и в стихотворениях Маяковского (например, чередование мужских и женских рифм в «Необычайном приключении, бывшем с Владимиром Маяковским летом на даче»). Благодаря родственности белорусского и русского языков, при переводе Кондрат Крапива смог использовать их лексические эквиваленты, которые и фонетически оформлены похоже, что сказалось не только на структуре рифмовки, но и на ее качестве – соотносительности белорусских переводов с оригиналом.

В ритмической структуре переводчик также был довольно точен. Например, в «Необычайном приключении, бывшем с Владимиром Маяковским летом на даче», где Владимир Владимирович пишет тоническим стихом с 3 и 4 акцентами [1, с. 121]., переводчик использует тот же размер [3,

с. 33-34]. В «Рассказе Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» и «Мы не верым!» Кондрат Крапива придерживается ритма оригиналов-тактовиков. Только в отдельных строфах из-за издержек переводческого процесса у белорусского поэта встречаются ритмико-акцентологические неточности.

Изменения в структуре стихотворения привели не только к незначительным переразложениям в области метрики или рифмы, но отразились и в изменении визуального оформления. В своих переводах Кондрат Крапива старался сохранить «лесенку», но не везде это было возможно. Из-за того, что соблюдать точную синтаксическую структуру текста при художественном переводе довольно-таки сложно, синтаксическая структура переводов зачастую не досконально передает оригинальную. В связи с этим итоговое графическое оформление перевода получилось не идентичным.

Если систематизировать и обобщить все вышеперечисленные особенности переводов Кондрата Крапивы, можно отметить следующее:

Образная составляющая при переводе практически не изменена, только в отдельных случаях Кондрат Крапива меняет или не использует оригинальные образы. В отдельных случаях для лексического уровня характерно лексическое и семантическое несоответствие. Окаzionale лексика в большинстве своем переводится узуальными словами, или при ее переводе используется прием замены. Замена характерна не только для перевода оккационализмов, но и для другой лексики.

Существенные изменения на синтаксическом уровне:

- изменение порядка слов и постановки логического ударения;
- смена субъекта действия в словосочетаниях;
- использование добавлений, усиливающих семантическую составляющую;
- изменение типов предложений по строению и наличию обособленных конструкций, типов связи в предложении, изменения в строении грамматических основ предложений;

- совпадение отдельных стрóf и предложений по структуре – т.е. практически дословный в синтаксическом плане перевод.

Достаточно близкая передача поэтической составляющей стихотворений – ритма, рифмы.

Достаточно точная графическая передача оригиналов при переводе, незначительные расхождения, связанные со спецификой художественного перевода.

Достаточно близкая передача поэтической составляющей стихотворений – ритма, рифмы.

Достаточно точная графическая передача оригиналов при переводе, незначительные расхождения, связанные со спецификой художественного перевода.

Схожесть русского и белорусского языков позволила переводчику максимально приблизиться к тексту оригинала на различных уровнях. Но имеются и некоторые различия, характерные для художественного перевода. По нашему мнению, переводы Кондрата Крапивы можно считать удачными. Они отражают творчество и образ мыслей Маяковского, его стиль и манеру письма, а также самоценны по своей сути, так как являются частью развития контактных связей русскоязычной и белорусскоязычной культур.

Литература

1. Маяковский, В. Соч.: в 2 т. / В. Маяковский / сост. Ал. Михайлова. – М: Правда, 1987. – Т. 1. – 768 с.
2. Маяковский и Белоруссия: К 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского: Методические рекомендации в помощь лектору / сост. Н. И. Лapidус. – Минск: ДОК БССР, 1983. – 26 с.
3. Маякоўскі, У. Выбраныя творы / У. Маякоўскі / пад рэд. А. Куляшова. – Минск: Дзяржвыд БССР, 1952. – 374 с.
4. Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязяў: у 4 т. / В. А. Каваленка [і інш.]. – Минск: Навука і тэхніка, 1993 – 1995. – Т. 1.

5. Саўчанка, Н. Уладзімір Маякоўскі ў беларускім друку / Н. Саўчанка // Літаратура і мастацтва. – 1960. – 27 сакавіка.
6. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5-і т. / пад рэд. І. П. Шамякіна. – Мінск: БелСЭ, 1986. – Т. 3. – 751 с.
7. Топер, П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П. М. Топер. – М.: Наследие, 2000. – 254 с.